

**Администрация города Вологды
Вологодский государственный университет
Вологодская областная универсальная библиотека**

БЕЛОВСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 1

К 1475139

**Вологда
2016**

Ю.В. Розанов
Вологда

МОРЕ-ОКЕАН И СЕВЕРНЫЕ РЕКИ: ВОДНАЯ СИМВОЛИКА АЛЕКСЕЯ РЕМИЗОВА

Говоря о водной символике в произведениях А. М. Ремизова, в первую очередь вспоминают фольклорный гидроним «Море-Океан». Свою основную «неомифологическую» книгу, вышедшую в 1911 году, писатель назвал «К Морю-Океану». Именно туда отправляются юные герои Ремизова – Алалей и Лейла. На пути они встречаются с множеством мифологических и квазимифологических существ, описание которых и составляет ос-

новной смысл книги. Заявленная Ремизовскими героями цель путешествия – достижение «Моря-Океана» – конкретизировалась на последнем этапе работы над книгой. В написанном в 1909 году рассказе «Ночь у Бия», который также будет включен в новую книгу, герои еще направляются к более привычному «синему морю» [4, с. 47]. «Море-Океан» как ритуальная или символическая (в парадигме фольклорного символизма) цель «хожения» чаще всего встречается в зачинах русских заговоров: «Стану я, раб Божий, благословясь, пойду перекрестясь из избы в двери, из ворот в вороты, в чисто поле в восход, в восточную сторону, к Окияну морю, и на том святом Окияне стоит стар матер муж...» [3, с. 142]. Это устойчивое выражение, представляющее собой столь распространенное в языке фольклора парное сочетание синонимов, не имеет четкого значения. Под «Морем-Океаном» фольклор подразумевает и иной мир («тот свет»), и небо, и некую изначальную водную стихию – «океан-море – всем морям отец», и водную преграду на границе «сокровенной страны Беловодье», а также и некоторые реальные водные объекты, чаще всего Белое море. Такая неопределенность полностью принимается писателем, поскольку истинной целью Ремизовской «дороги на океан» является не достижение какой-либо географической точки (даже в плане мифологической географии), а освоение неведомого для элитарной культуры пространства русской демонологии, демонстрация существ, это пространство населяющих. Из фольклорного символизма данный топос естественно перешел в символизм литературный. Если бальмонтовская Жар-птица лишь мечтала «О том заморском kraе, / Где Море с Небом слито» [2, с. 3], то Ремизовские герои достигли «Моря-Океана». Писатель повышает ценностный статус фольклорного образа и, следовательно, тематики своей книги, поскольку главный символ в литературе символизма должен соответствовать абсолюту. Так, Андрей Белый в сборнике «Золото в лазури» (1904) трактует поиски лирическим героем и его друзьями «аргонавтами» «золотого руна» как «плаванье» за Великой Истиной, скрытой в глубинах мироздания. Не исключено, что путешествие «аргонавтов» Белого непосредственно повлияло на сюжетный ход Ремизова. Во всяком случае, в символе «Море-Океан» писатель нашел удачный национальный аналог «золотому руну».

Другая грань «водного символизма» Ремизова проявилась в его текстах, связанных с Русским Севером, с Вологдой. Начинающий писатель отбывал ссылку в Вологодской губернии с 1900 по 1903 год, жил он во вполне речных местах: сначала в Усть-Сысольске – небольшом городке близ устья достаточно крупной реки Сысолы, притока Вычегды (система Северной Двины), потом в Вологде, на берегу одноименной реки. В «вологодских» произведениях писателя встречаются самые разнообразные речные мотивы: названия рек, их характеристики, речные пейзажи, названия судов и пароходных компаний, исторические и мифологические представления о реках и речных существах, экзистенциальные взгляды на сущность рек.

Исследователь мифопоэтики русского символизма А. Ханзен-Лёве выделяет две разновидности водной символики у авторов этого направления: «Стоячая вода отражает некий диаволический (лунный) мир теней и демонов, но обнаруживает и свои глубины, где обитают существа нижнего мира; а текучая вода символизирует реку времени, вечное течение или текущую вечность, с которой мы встречались в описаниях космогонии» [11, с. 676]. Ремизов не просто «дышал воздухом символизма», по известному выражению В. Ходасевича, он, по сути дела, открыто позиционировал себя в качестве символиста школы Вяч. Иванова. Поэтому речная градация Ханзена-Лёва вполне применима для нашего случая.

Стоячая вода – это река Вологда. В энциклопедической статье особо подчеркивается, что «падение реки небольшое и поэтому скорость течения невелика, глубина в верховьях малая, но ниже г. Вологды достаточная для судоходства» [11, с. 59]. Летом вода в реке обычно «зацветала» – покрывалась плавающими на поверхности зелено-бурыми водорослями, издавала неприятный запах. Историческая песня, основанная на местной легенде, утверждает, что раньше река была быстрая и чистая, но испортилась из-за проклятия Ивана Грозного, на голову которому упала «плинфа красная» из свода Успенского собора в Вологде:

Река быстра – славна Вологда
Стала быть рекой стоячею,
Водой мутною, вонючею,
И покрылася вся тиною,
Скверной зеленью со плесенью...

Обратимся к одному из самых ранних «вологодских» текстов Ремизова – рассказу «Иван Купал» (1903). На Иванов день к рассказчику приходит гость, Иван Степанович, приятель хозяина, любительочных купаний и подводной археологии. Это довольно странный субъект с «испытым, изблевшимся лицом» и «мутными страдальческими глазами». Гость демонстрирует рассказчику не менее странные предметы, найденные им прошлой ночью в реке: склянку с песком, который он считает золотоносным, и старую позеленевшую кость, предположительно фрагмент бивня мамонта. Из слов Ивана Степановича следует, что главное речное сокровище ему мешают найти некие демоны, которых он по закону табуации называет местоимением «они». «Они все знают, ... знают и чувствуют. И сила их в том, что чувствуют. А мы что? И знаем немного, а того меньше чувствуем. Но дай срок, нырну я в самую глубь, найду я такое место в реке» [6, с. 110]. Здесь, несомненно, отразились вологодские городские предания о «водяных тайниках», якобы устроенных Иваном Грозным на дне реки при строительстве на берегу крепости, и о водяных демонах, охраняющих царские сокровища.

Вторая часть рассказа ориентирована на более традиционную водную мифологию. Вечером приятели идут на реку. Они наблюдают, как дети, исполняя древний купальский обряд, бросают венки из полевых цветов в воду, загадывая «на счастье». Герои подходят к омуту. «Вот тут, — шепнул Иван Степанович. Он вытащил из-под полы венок и, показав на темную вздрагивающую воду омута, бросил: — на тебя, на твоё счастье. И венок завертелся, запрыгал, потом глубоко скрылся и снова выплыл. Выплыл мой венок и канул» [6, с. 111].

Из краткого изложения эпизода видно, что в нем имплицитно присутствует мифологический рассказ, основанный на поверьях о гадании на Ивана Купалу, но герой Ремизова, очевидно, по незнанию, нарушает правила обряда. В народной традиции гадают исключительно девушки, причем только на себя, гадание на другого не допускается. На более древней стадии обряда, как свидетельствуют материалы А. Терещенко, венки осмысливались как дар русалкам, за который они добывали девицам женихов [9, с. 132]. Гадание на брошенном в воду венке предполагает такие результаты: чей венок утонет — та умрет в течение года; чей венок поплывет в определенную сторону — в ту сторону эта девушка в ближайший год и выйдет замуж; чей венок уплывет дальше прочих — той улыбнется самой большее счастье; у кого венок стоит неподвижно — у той не будет особых перемен в жизни [1, с. 137]. Тем не менее, в рассказе «Иван Купал» в сакральное время «приведен в действие» мантический механизм и получен вполне определенный ответ: венок «канул», что означает смерть в ближайшем году человека, бросившего в воду этот венок.

Но более адекватным представляется иное толкование этого символического эпизода. В этом случае незнание обряда относится не только к герою, но и к автору. В 1903 году Ремизов мог знать лишь самое общее в мантическом действе на Купалу — утонувший венок предвещает лишь несчастье, смерть, что и использовал. Мастерство художника подсказало ему нетривиальный ход — венок, брошенный героем в омут, «завертелся, запрыгал, потом глубоко скрылся и снова выплыл, выплыл и канул», т. е. допускается возможность, что он не утонул, а незаметно для героев уплыл по течению. Если условия обряда не соблюдены, то нет и ясного результата. Остается лишь ощущение тревожной неопределенности, чего, видимо, и хотел достичь писатель-декадент.

Ровно через полвека Ремизов вновь вспомнит реку Вологду в мемуарном рассказе «Мое вступление в литературу», позднее вошедшем в книгу «Иверень». За этот срок Ремизов не только неплохо изучил народную демонологию, но и создал собственную мифологию, в которой причудливо переплелись традиционные демонологические представления с фантазиями писателя и реалиями его долгой жизни в искусстве. Начнем с более традиционного эпизода. Бездна «тихих вод» обычно сопоставляется с любовными переживаниями под знаком луны и ночи, при этом в раннем символизме «еще доминирует типично диаволическое наслаждение гибели и демо-

ническая красота» [11, с. 669]. У Ремизова любовный аспект заменен дружеским: «— по Вологде на лодке, за нами луна — широкий ключ — а не догоны. Лунная ночь — находчивый и хитрый вопрошающий Кирик, а разговоры — душа нараспашку» [7, с. 487]. Если учесть, что самым близким другом автора в Вологде был поэт и будущий террорист Иван Каляев, то и тема смерти не будет лишней в этом душевном мужском разговоре на реке под луной.

Еще два эпизода из книги «Иверень» происходят на реке Вологде, точнее в ее окультуренном сегменте — купальне. Дощатые купальни, представляющие собой полуоткрытый сарай с затопленным полом-дном, в различных модификациях просуществовали в Вологде до начала 1960-х годов. Качество воды они, конечно, не улучшали, но были удобны и предохраняли людей от плавающей грязи и водорослей. В первом эпизоде рассказчик вновь встречает странного купальщика, но теперь это странность другого рода. «В тесной купальне, как и все купальни по примеру Силоамовой Купели, плескалась шушера и мелочь, но один из купальщиков обращал на себя всеобщее внимание. Это был природный вологодский титан, громкое имя Желвунцов, а по прозвищу «невесомое тело», в чем я убедился собственноглазно». Секрет загадочного купальщика заключался в том, что его большие пальцы на ногах «были онапёрстны двумя перепончтными хоботками, припаянными прямо к когтям, — вращаясь эти хоботки и держали его на воде, как пробку» [7, с. 435].

Эпизод рифмуется со сценой купания Павла Щеголева, друга Ремизова по вологодской ссылке, в будущем видного историка и пушкиниста, из щутливого ремизовского «подорожия». (Начинающий писатель всем отбывшим срок ссылки и уезжающим из Вологды писал такие прощальные тексты). «Подорожие» Щеголеву в новой редакции также вошло в «Иверень». «Павел Елисеевич скинул с себя рубашку, повесил на гвоздик. В купальне занял он всю скамейку, а на краешке нас трое: я, часовщик и лесоторговец. На подсыхающем полу играет солнце — по щелястой стене бегали зайчики. Щеголев, не торопясь, погрузился в воду — подымаются волны, купальня ходуном пошла, буря. «Эх, не выдержал часовщик, Россия». «Да, одобряет сосед, Ангарец!». И оба, прикованные, следят за пловцом: с намыленной головой Щеголев плывет. В купальню набрались любопытные: не купаться, а посмотреть. <...> Только бы не упустить, когда выходить будет. «Зосима и Савватий!» — подхватывает кто-то из опоздавших» [7, с. 489].

Комментаторы современного собрания сочинений Ремизова сообщают, что возглас восхищенных зрителей процедуры нечто иное как «обращение к соловецким святым как защита от опасности или стихийного бедствия» [7, с. 671]. На самом деле речь идет не о соловецких угодниках, а о двух новых товарно-пассажирских пароходах, появившихся в то время на вологодской пристани: «Преподобный Савватий» и «Преподобный Зосима». Эти суда одной серии с цельнометаллическими корпусами грузоподъемно-

стью по 160 тонн были построены в 1902 году на Коломенском заводе и принадлежали «Северному акционерному пароходному обществу». Несмотря на их отечественное происхождение, пароходы упорно называли «американскими» или просто «американцами». Оба судна работали на маршруте Вологда – Архангельск. Таких гигантов, рассчитанных на 766 пассажиров и 30 членов команды каждый, в Вологде до этого не было, чем и объясняется сравнение дородного купальщика с пароходами. К такому же типу относится и сравнение Щеголева с «Ангарцем». В «Иверне» Ремизов упоминает этот пароход в связи со своей поездкой из Устьысольска: «Приехал я в Вологду – пять суток плыл на Хаминовском Ангарце!» [7, с. 478]. Купец из Сольвычегодска Прокопий Хаминов занимался разными видами бизнеса, но владел только одним пароходом, причем его «Ангарец» по всем параметрам уступал «американцам».

Пароходные комментарии привели нас к большой, «текучей» воде, если воспользоваться выражением Ханзена-Лёве. Речной маршрут из Вологды в Устьысольск по большим рекам, описан Ремизовым дважды: в синхронном плане – в цикле рассказов «В плenу», в диахронном – в «Иверне». Итак, молодой москвич не по своей воле отправляется на долгих три года в «царство полуночного солнца»: «Стою на трапе. Далеко над рекою раскинулась ночь, последняя летняя. <...> Месяц широким густым ключом падает в реку. И взапуски бегут серебряные дрожащие струйки и, нагоняя друг друга, извиваются кованой лентой». На этот, пока еще нейтральный речной пейзаж, накладывается звук – слова речников: «– Налево, куда правишь, налево! – закричал командир. – А-ах! – ответили с баржи. – налево, коли надо, прими чалку, а то отходи, поверни что ль еще! – А-ах! – ответили с баржи! <...> – На правой, вперед! – кричит командир. – Де-вять, де-сять... – отвечают с баржи». (Звукопись «стоячей воды» в символизме принципиально иная, как, например, у Александра Добролюбова: «... Дети! Поверьте: эта песня-река. Я помню и тростники, которые шепчутся над нею о грёзах своих»). Постепенно тоска и страх овладевают рассказчиком, он осознает, что плывет в страну вечного холода, в царство смерти, где он должен забыть прежнюю жизнь. «Там, впереди для меня словно остров – там что-то заброшенное и утонувшее в снеге, а позади оторванное и застывшее. <...> И протяжно и гулко запел пароход. Вздрогнул лес, вздрогнули берега и, громогласно ответив на зов, погрузились в сон. Что-то страшное вошло в ночь и затеснило грудь» [6, с. 98-99]. Присутствующий в этом тексте мотив забвения, связанного с рекой, традиционен. Тут и державинская «пропасть забвения» в стихотворении «Река времен», и замерзшая река времени Андрея Белого, и народные мифологические представления. В Вологодской губернии существовало поверье, существенно упрощенный вариант античной мифологемы Лета – река забвения, что умерший человек через сорок дней после смерти переправляется через Забыть-реку, после чего полностью забывает свою прежнюю жизнь, родных и знакомых [10, с. 56]. Позднее Ремизов называл себя «угнанным за пять

рск» [7, с. 451]. Такая номинация также намекает на «иной мир», который в некоторых мифологических системах отделен от реального мира рекой или реками. Словом, как выразился декадент Бальмонт, «Кто в реку заглянул, / Тот Небо видит ближе».

В поздних мемуарных текстах Ремизова взгляд на северную ссылку изменился, стал более позитивным. В Вологодскую губернию в начале XX века шел все увеличивающийся поток ссыльных, распределяясь внутри региона по уездным городам. Добирались до своих мест ссыльные преимущественно на пароходах. Кроме того, и «старые» ссыльные не слишком долго сидели на одном месте. Благодаря либеральным взглядам высшего губернского начальства им разрешалось менять города. Ремизов вспоминал: «Срок ссылки три года. Усидеть на одном месте нет никакой возможности – осточертите! – и обыкновенно передвигались: из Яренска и Устьысольска в Сольвычегодск; из Сольвычегодска в Великий Устюг, а потом в Тотьму, либо в Кадников и наконец, в Вологду, или прямо в Вологду» [7, с. 483]. Практически все эти передвижение также осуществлялись по рекам. После Первой русской революции, когда цензура существенно ослабла, информация о движении ссыльных стала просачиваться в печать. «Вологодский листок» 1 июля 1909 года (№ 219) сообщал: «Пароход «Зырянка» отправляется из Вологды в 8 часов вечера с этапом ссыльных в Тотьму – 31 человек, в Устюг – 15 человек, в Сольвычегодск и Устьысольск – осадельные». На возросшее количество «плавающих и путешествующих» отреагировал бизнес. Известное пароходство «Лебедь» перенесло с Волги на север три парохода мощностью по 130 лошадиных сил 1860 года постройки: «Триада», «Сильфида» и «Никса». При этом громкие иностранные имена судов меняются на отечественные, простые: «Гражданка», «Москвичка» и «Зырянка» соответственно.

В ремизовских мемуарах присутствует панорамный взгляд на большие северные реки, эта панorama, вопреки устойчивым литературным штампам в описании Севера («серая вода», «серое небо») – яркая и цветная. «Нигде во всем мире нет такого неба, как в Вологде, и где вы найдете такие краски, как реки красятся – только вологодские. Полуночное солнце в белые ночи – вон глядите! Голубая и алая плывет Вологда – Вологда, Ляя, Сухона, Луза, Юг, Вычегда, Сысола. А зимой при северном сиянии – небо пополам! И над белой (на сажень лед), скованной рекой льется багровое, как июньская полночь, а зеленее самой суз达尔ской муравы, а уж такое красное – осенняя лесная ягода» [7, с. 477]. Мистическая составляющая ремизовского описания больших рек также по-своему эпична. В рассказе «Семь бесов» (1915), посвященном воспоминаниям о северной ссылке, писатель увержал, что в пасхальную ночь из воды звучат колокола: «В Сольвычегодске на пустынном усолье … задается год, и счастливые в полночь слышат звон … разливной, гудят по Устюжине шире Сухоны, Лузы, Юга и Вычегды – «Христос воскрес!» [5, с. 423]. В рассказе «Суд Божий» (1908) Ремизов «вспоминает», как преподобный Логгин Коряжемский «молился

среди своих печальных кедров белою ночью всю ночь до колокольного звона, плывшего по реке из Соли Вычегодской» [8, с. 145]. Из этих текстов не совсем ясно, звонят ли это фантомные колокола утонувших церквей, как в легенде о Ките же, или реки служат проводниками реальных звонов крупных церковных центров, находящихся на их берегах, но на большом отдалении от «счастливых» реципиентов. Таким образом, даже беглое рассмотрение комплекса речных мотивов в «вологодских» произведениях писателя показывает, что они в самом общем виде соответствуют двум основным трактовкам символики воды в русском модернизме начала XX века.

Литература

1. Балов А. В. К вопросу о характере и значении древних «купальских» обрядов и игриц // Живая старина. – 1896. – Вып. 5.
2. Бальмонт К. Жар-Птица: Свирель славянина. – М., 1907.
3. Майков Л. Н. Великорусские заклинания. – СПб., 1994.
4. Ремизов А. Ночь у Вия // Русская мысль. – 1909. – № 4.
5. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2. – М., 2000.
6. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3. – М., 2000.
7. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8. – М., 2000.
8. Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 11. – СПб., 2015.
9. Терещенко А. Быт русского народа. Ч. 6. – СПб., 1848.
10. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. – М., 1982.
11. Хансен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифо-поэтический символизм. Космическая символика. – СПб., 2003.
12. Ю. Ш. [Шокальский Ю. М.] Вологда или Вологода // Энциклопедический словарь / Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. Т. 7. – СПб., 1892.